

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/90/9

**Сюжет путешествия в повести А. Г. Битова
«Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975).
Мифопоэтика Куршской косы**

Екатерина Дмитриевна Буханова

Томский государственный университет
Томск, Россия

Сибирский государственный медицинский университет
Томск, Россия

Ekaterinabuhh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1974-1303>

Аннотация

Статья посвящена поэтике повести-путешествия А. Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Анализируется натурфилософская, космогоническая и антиутопическая, мортальная семантика представленного в повести геопозэтического образа Куршской косы. В качестве ключевых мифологем топоса рассматриваются символический код Косы как «дна воздушного океана», «границы двух сред» и зоософия пространства, прежде всего своеобразие орнитофауны. Показывается, что органическому ландшафту Косы уподобляется лирико-эссеистский рельеф самого текста повести. Исследуется символический потенциал отдельных локусов Косы (биостанция, дюны, Восточное и Западное побережья), соположение которых открывает «ландшафт сознания» лирического героя-путешественника.

Ключевые слова

А. Г. Битов, «Птицы, или Оглашение человека», сюжет путешествия, мифопоэтика, геопозэтика, Куршская коса

Для цитирования

Буханова Е. Д. Сюжет путешествия в повести А. Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Мифопоэтика Куршской косы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 123–136. DOI 10.17223/18137083/90/9

© Буханова Е. Д., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 123–136
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 123–136

Travel plot in the story “Birds, or Catechesis of a Man” by Andrei Bitov: mythopoetics of the Curonian Spit

Ekaterina D. Bukhanova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Siberian State Medical University
Tomsk, Russian Federation

Ekaterinabuhh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1974-1303>

Abstract

This paper is part of a four-part series exploring the poetics of travel narratives by Andrei Bitov, specifically his travel story “Birds, or Catechesis of a Man” (1970, 1975). The analysis delves into the natural-philosophical, cosmogonic, anti-utopian, and mortal semantic aspects of the geopoetic image of the Curonian Spit. The symbolic code of the Spit as “the bottom of the air ocean” or “the border of two environments” and the zoosophy of space, primarily the originality of avifauna, are considered the key mythologemes of the topos. An evident parallel is revealed between the organic landscape of the Spit and the lyrical and essayistic relief found within the text of the story. The symbolic possibilities of separate locations on the Spit, including the “dancing forest,” biostation, dunes, and East and West coasts, are examined. Their juxtaposition reveals a “landscape of consciousness” for the lyrical hero-traveler. The heterogeneity and distinctive morphology of the Spit, a slender sandbar separating two bodies of water, have been interpreted as a metaphorical representation of human life. The writer views it as a symbol of existence in a state of tension “on the border of two environments,” belonging simultaneously to both realms: earth and sky, flesh and spirit, logos and eros, good and evil, life and death, being and non-being. The conception of Bitov is compared with the aesthetic systems of A. Platonov and I. Brodsky, as well as the philosophical ideas of N. Fedorov.

Keywords

A. G. Bitov, “Birds, or the Catechesis of a Man”, travel plot, mythopoetics, geopoetics, Curonian Spit

For citation

Bukhanova E. D. Travel plot in the story “Birds, or Catechesis of a Man” by Andrei Bitov: mythopoetics of the Curonian Spit. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 123–136. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/9

А. Г. Битов (1937–2018) – современный русский писатель, мыслитель, философ-эссеист, общественный и культурный деятель. Настоящая публикация посвящена повести Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975), относящейся к зрелому этапу творчества писателя (натурфилософская проза).

Указанная повесть была впервые опубликована в 1976 г. в сборнике «Дни человека» под заглавием «Птицы, или Новые сведения о человеке». В 1995 г., уже под названием «Птицы, или Оглашение человека», повесть вошла в состав романа-трилогии «Оглашенные» (1971–2018) – как его первая часть. Текст романа был дополнен четвертой частью в 2011 г. и опубликован как «тетраптих» в 2018 г.

Как и во всём романе, в «Птицах...» повествование ведется от первого лица. В основу истории легли реальные впечатления Битова об очередной поездке на биостанцию Зоологического института АН СССР в поселке Рыбачий (б. Росситтен) на Куршской косе (российская Прибалтика) к своему другу – директору

станции, орнитологу, доктору биологических наук (1976) В. Р. Дольнику (1938–2013), ставшему прототипом персонажа повести доктора Д.

Работы исследователей творчества Битова, ранее обращавшихся к повести «Птицы...», отличались ракурсами анализа. Л. Аннинский в конце 1980-х гг. вписал повесть в ряд битовских путешествий, увидев в ней след экзистенциального кризиса автора, связанного с отказом от «наива» молодости. Однако акцент Аннинского на преемственности творческих задач Битова определил краткость его анализа этой конкретной повести [Аннинский, 2020, с. 26–27]. И. С. Скоропанова в конце 1990-х гг. осмыслила роман «Оглашенные» как «первое произведение русского экологического постмодернизма»¹, однако собранные в ее пособии статьи не дают целостного анализа сюжета странствия в романе и повести. Э. Ф. Тугушева проанализировала повесть в аспекте динамической модальности автора-странника, однако рассмотрела в качестве ведущей линии не историю путешествия, а метасюжет творчества [Тугушева, 2011, с. 139].

В настоящей статье внимание фокусируется на геопозитическом образе Куршской косы в повести «Птицы...». Автор трудов по философии и мифологии путешествия И. Сид определил «антропологический статус» Битова, назвав его «геопозитом», «живым воплощением теории путешествия» [Сид, 2020, с. 191]. По мнению Сиды, «персональный модус путешествия» Битова заключается в том, что это, как правило, «тот или иной вариант бегства» [Там же, с. 192]. Антрополог представил Битова как адепта российской художественной геопозитики, ссылаясь в первую очередь на его яркую номадную биографию и – в обобщенном виде – на сюжетно-нарративное содержание его текстов.

В повести «Птицы...» рассказчик-писатель приезжает на Куршскую косу в поисках вдохновения и успокоения в контексте напряженной социополитической обстановки брежневской эпохи: «С Виктором Дольником я познакомился во время творческого кризиса <...> после ввода танков в Чехословакию» (Битов, 2012, с. 155). Автобиографический рассказчик не называет точно год, в который происходит действие повести, но отмечает, что это его седьмая поездка на Косу, а первая была совершена в 1968 г.: «Впервые я бежал сюда от 1968 года, как за границу» (Битов, 2018, с. 16)². На биостанции лирический герой приобщается к быту ученых-орнитологов и во время прогулок по дюнам Куршской косы ведет с доктором Д. этологические и экологические споры.

Соответствие этапов развития сюжета нескольким параллельно разрабатываемым нарративным пластам уподобляет пространство текста естественному, органическому рельефу нелинейной мысли нарратора.

Во-первых, рассказчик рефлексировал *фабулу* путешествия. История его передвижений, включающая в себя приезд из Москвы на Косу, перемещения по биостанции (в том числе общение с орнитологами и птицами) и прогулки по дюнам, раскрывает динамику *эмпирического пространства* как материал для будущего литературного осмысления. Символизм топоса Косы задается семантикой отдельных локусов, созерцаемых и мифологизируемых нарратором:

I. Куршский пейзаж:

1. Воздух: «воздушный океан» (с. 14).
2. Земля: дорога от «большой земли» до станции, «танцующий лес».
3. «Огонь»: созданные ветром, раскаленные солнцем желтые пески – дюны.

¹ Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. URL: <http://niv.ru/doc/poets/rus-postmodern-literature/106.htm> (дата обращения 01.05.2023).

² Далее при ссылке на это издание номер страницы указывается рядом в скобках.

4. Вода: омывающие Косу акватории.

II. Сама биостанция, пространство которой также делится на локации:

5. Помещения полевого стационара, в которых живут ученые: «лекционная аудитория», «людская», чердак, в котором лирический герой жил в прошлый свой приезд, будка, в которой он живет сейчас.

6. Исследовательские приспособления орнитологов: сети для ловли птиц, «марковник» (устройство для изучения механизмов их пространственной ориентации) и др.

Во-вторых, *сюжет* создания текста о путешествии героем-писателем реализует коллизию воссоздания образа мира в слове, художественного «жизнетворчества».

В-третьих, автобиографический герой в позиции «ученика» ведет беседы с «учителем» доктором Д., которые можно интерпретировать и как факт реальной коммуникации, и как метафорическое воплощение «бифуркации» сознания героя.

Тематические и нарративные пласты тесно переплетаются. Так, сцены созерцания героем куршского пейзажа (фабульный уровень) перетекают в геопоэтическое осмысление пространства косы как однородной среды, близкой сфере чистого духа, и порождают восприятие героем пространства Косы как обостряющего в человеке ощущение смертности (по модели натурфилософского отступления).

Повесть дает осмысление онтологических проблем Битовым как художником, ориентированным на «поэтику географических образов в литературе и искусстве» [Сид, 2015, с. 154]. Геопоэт анимирует натурфакт, выявляет ранее «не прочитанные» грани образа пространства, репрезентирующие его глубинный смысловой потенциал. Он обновляет складывающееся вокруг топоса семантическое поле и на уровне метанаррации задает новый дискурс, «превращая» локус в текст. Поскольку до повести Битова образ Куршской косы в искусстве был представлен преимущественно в кинематографе («Схватка» (1972), «Дорогой мальчик» (1974) и др.) и только локально – в литературе (в прозе и поэзии М. Г. Родионовой, А. М. Краснова, А. П. Дарьялова и др.), Битова можно считать одним из творцов художественной мифологии Косы.

Куршская коса – самая протяженная из трех кос балтийского комплекса, простирающаяся от Калининградской области до Литвы и отделяющая Куршский залив от Балтийского моря. Согласно словарю, коса – это «низкая намывная полоса суши на берегу моря или озера <...> Сложена песком, галькой, ракушкой. Образуется в результате перемещения наносов волнами <...> и их аккумуляции на участке падения энергии волны» [Географический энциклопедический словарь, 1988, с. 146]. В формировании уникального ландшафта Куршской косы определяющую роль сыграло гармоническое сотворчество, совливание природных и антропогенных факторов: будучи сотворенной эоловыми отложениями, она поддерживается деятельностью человека, в частности строительством защитных авантюнов [Ромина, Мякокина, 2021]. В повести Битова сюжет подвигания песчинок-атомов первоматерией воды на перекрестке стихий, посреди «воздушного океана» (с. 14), повторяет коллизии архаических космогонических мифов.

Битов изображает Куршскую косу как тонкий слой биоса, подпертый земной твердью снизу и придавленный толщей воздуха сверху, который воплощает одновременно целостность, плотность и внутренний драматизм, бурление разнонаправленных потоков: земное стихийно переплетается с космическим, ментальное и материальное волнами находят друг на друга. Указывая на парадоксальность

самой возможности зарождения и самовоспроизведения жизни в пустоте, в ничто, битовский герой-повествователь использует фигуру остранения, сравнивает человека с крабом, птиц – с рыбами (с. 14–15), погруженными, как и вся планета, в «воздушный океан» – космическое подобие «амниотической жидкости» Галактики. Это позволяет подчеркнуть тварную природу жизни на Земле, идентифицировать ее как «пренатальное» состояние, а неизбежность смерти – как предопределенность нового рождения – понятого не отвлеченно-метафорически, а органически-закономерно.

Гетерогенная природа и самобытная морфология Косы – узкой длинной полосой песка между двумя водными бассейнами – позволили герою-писателю увидеть в ней метафору жизни человека, существующего в напряжении «на границе двух сред» (с. 15) и принадлежащего им обеим – земле и небу, плоти и духу, логосу и эросу, добру и злу, жизни и смерти, бытию и небытию. По Битову, антиномическая сущность человека определяет фатальность его разлада с самим собой, непрестанное стремление к обретению утопической гармонии.

«Заброшенность-в-мир», «на границу двух сред» (с. 15) герой битовской повести воспринимает как универсальное экзистенциальное испытание для человека, который, как странник, под бременем ответственности за себя и за мир «тяжко идёт <...> по земле <...> Как будто ему больно» (с. 15). В целом «напряжение границы» (с. 15) – т. е. априорная неустойчивость положения человека в бытии – становится для автобиографического героя-писателя стимулом духовного поиска и толчком к совершению путешествия на Куршскую косу.

Узость Косы символизирует в повести «Птицы...» хрупкость пойманного актом творения биотического равновесия, зыбкость человеческого существования, на мгновение материализующегося в вечности – и растворяющегося в ней. Антропоморфность центрального геопозитического образа повести можно соотнести с современными Битову философскими концепциями, выразившимися в формулировании «антропного принципа» (термин введен Б. Картером в 1973 г.), согласно которому мироздание изначально было ориентировано на появление человека-созерцателя – не в метафизическом, а в материалистическом, синергетическом контексте, «в рамках принципов саморазвития, самоорганизации, эволюции мира» [Черникова, 2011, с. 159].

Выбор заглавного образа повести («птицы») констатирует ограниченность человеческой картины мира, акцентирует существование в повседневности другого, более универсального и отстраненного взгляда «сверху», как бы подобного трансгредивентному [Бахтин, 2000, с. 319] взгляду Автора или Бога-Создателя, но максимально приближенного к человеческому бытованию, – взгляда птиц, существующих между землей и небом. В осмыслении битовского героя-писателя ключевая мифологема Косы – именно орнитофауна. С одной стороны, путешествующий герой обращает внимание, что ежегодно миллионы мигрирующих птиц используют эту тянущуюся по меридиану полосу суши как перевалочный пункт для отдыха, кормежки, гнездования. Ученые-орнитологи здесь всеми возможными способами исследуют миграции птиц. С другой стороны, взгляд автобиографического героя, ищущего этологического разрешения проблемы болезненной раздвоенности человека, падает именно на птиц как на обитателей безбарьерного «воздушного океана» (с. 14), чья экзистенциальная целостность представляется герою причастной сфере абсолютного духа.

Битов-автор ритмическими паузами, волнообразными сменами интонации создает неоднородность ландшафта текста, как будто уподобляя само повествование

«воздушному океану» (с. 14). Однако с точки зрения организации нарратива это позволяет ему перебирать разнообразные модальности, проверяя научные, натур-философские, художественные, религиозные идеи.

Сюжетным контрапунктом метафорического путешествия в повести становится вынесенный автором в заглавие феномен *оглашения*. Согласно «Православной энциклопедии» «оглашение» – это «период подготовки, предшествующий принятию новых членов в Церковь» [Православная энциклопедия, 2018, с. 380]. В этом контексте герой Битова может быть осмыслен как паломник, стремящийся к метафизическому ориентиру, ищущий путь к спасению души. По признанию рассказчика, Коса – это «единственное место» на Земле, действующее на него «воскрешающе благотворно» (с. 16): человек здесь может ощутить причастность тому абсолютному покою, которым в Библии был отмечен седьмой день Творения – день отдохновения Бога от дел.

Отмечая, что Коса напоминает «родину, которой никогда не видел» (с. 17), герой утверждает реальное существование метафизических измерений (в аристотелевском понимании) и возможность достижения человеком этих «истоков истоков». Лирический герой объясняет уникальную энергетику таких мест, как Коса, их самоцельностью и самодостаточностью: «...настолько <...> существует без тебя, что и не исторгает тебя» (с. 17).

Это представление об «изначальной» лояльности пространства по отношению к человеку соответствует антропному принципу как центральной философской идее повести: Коса может существовать без созерцателя, но способность осмысления собственной природы она получает, только отражаясь в «зеркале» человеческого сознания.

Таким образом, во время путешествия на Куршскую косу автобиографический герой переживает новый духовный опыт. Это определяет и напряженность его «творческих мытарств» – в изображении Битова герой-писатель постоянно ищет наиболее адекватные формы самовыражения в слове, воплощающие его смирение перед Бытием.

Так, если орнитологическая биостанция представлена как единственный антропогенный локус на Косе, одинокий цивилизационный элемент в зоне первозданного куршского пейзажа, то большая часть эпизодов философских поисков героя выносится за пределы этого научно-исследовательского стационара, в открытое природное пространство, «океан непознанного». Центральная линия сюжета – прогулки героя-рассказчика с доктором Д. по куршским пескам с обсуждением этологических истоков и экологических перспектив человечества. К середине повести он начинает совершать не только «перипатетические» прогулки с доктором Д., но и индивидуальные созерцательные выходы на Косу. В повествовании изображение этих прогулок перемежается медитациями героя наедине с природой Косы, выражающими его способность к деятельному созерцанию и напряженной интеллектуальной рефлексии, а также пассажами натурфилософских (экологических и этологических) отступлений, сформулированных героем-нарратором уже как бы в момент создания им данной повести и воплощающих эволюцию его сознания.

Такая сложная организация сюжета указывает, что, по Битову, познание автобиографическим героем философских вопросов не предполагает единственно верных ответов, так как воплощает вечное движение, углубление и разветвление мысли.

Об этом свидетельствует и изображение движения героя внутри пространства Косы, насыщенное многообразным культурным контекстом. Во-первых, семантика прогулки беседующих героев в пространстве Косы восходит к античному образу гимназия, где преподавал Аристотель: располагавшийся рядом с храмом Аполлона Ликейского близ Афин, он включал в себя пространство для перипатетических прогулок [Словарь античности, 1989, с. 316]. Индивидуальные созерцательные выходы героя на Косу восходят как к прообразу к знаменитым «философическим» променадам немецкого мыслителя эпохи Просвещения И. Канта (1724–1804), жившего в находящемся в непосредственной близости от Косы городе Кёнигсберге (Калининграде).

Во-вторых, у Битова восхождение беседующих персонажей на дюны материализует и символизирует их интеллектуальное напряжение: состоящие из крупно-песчаные наносы за годы складываются в плотные, слоноподобные горы: «Они покачивались перед глазами при каждом шаге, как <...> караван слонов» (с. 34). Вверх по склонам Косы в небо «взлетают» зайцы – «косые», которых герой воспринимает как «наглядные пособия» для своих этологических споров со спутником.

В-третьих, сцены прогулок с доктором Д. и медитаций героя наедине с пространством Косы актуализируют множество культурных традиций XX в. Битовский сюжет преодоления гор из песка как органической пыли земли можно рассмотреть как аллюзию на философию «вещества» космиста Н. Ф. Фёдорова, писавшего о победе над смертью как «общем деле» человечества, о возвращении к жизни предков, долженствующем свершиться через собирание их рассеянного по миру праха («земля – прах наших предков, материал воскрешения» [Фёдоров, 1995, с. 245]). Написание Битовым слова «Коса» с заглавной буквы акцентирует семантику смертности: в славянской мифологии коса (и кости) – атрибуты персонифицированной смерти [Славянские древности..., 2012, с. 58–71]. Песочные насыпи с «лёгким птичьим следом» (с. 38), со скользящими вниз «трупиками жучков» (с. 38) и божьих коровок-паломниц, идущих вверх, к морю, но погибающих в пути, в битовской повести семантически сближаются с курганами. Как на могилах, на них растут скромные «микроцветочки» (с. 38).

Сюрреалистическая образность косы у Битова предвосхищает метафизический топос Рима у И. А. Бродского как пространства, «где громоздка / даже мысль о себе», на котором «звук, из земли подошвой / извлекаемый – <...> серенада, которую время оно / напеваает грядущему» [Бродский, 1993, с. 259] (1981). Ср.: в «Птицах...» собеседники в абсолютной тишине поднимаются по сыпучим откосам дюн босиком, и герой-писатель всматривается в поверхность песка, в остающиеся на ней отпечатки – следы собственного шага.

М. Пекло, обращавший особое внимание на преобладание стихии воздуха в описании косы и интерпретировавший «Птицы...» как стадию «вдоха» в контексте «романа-дыхания» «Оглашенные», назвал куршский пейзаж в повести «чюрлёнисовским»³. О творчестве М. К. Чурляниса Вяч. Иванов писал как о провидческой, прозревающей сквозь материальную оболочку одну лишь суть предметов попытке синтеза статического искусства живописи и временного – музыки⁴, что

³ Интерпретация Михаила Пекло // Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. URL: <http://niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/109.htm> (дата обращения 23.06.2023).

⁴ Иванов Вяч. Чурлянис и проблема синтеза искусств. URL: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/kritika-ivanova/churlyanis-i-problema-sinteza-iskusstv.htm> (дата обращения 23.06.2023).

оказывается близким битовскому пониманию морфологии Косы, глубиной пространства восполняющей остановившийся хронос.

Открывающийся с покоренных героями песочных вершин куршский пейзаж встраивается в парадигму и собственно битовских боговдохновенных «видов» – точек приближения к анагоризису, к катарсису (арка Чаренца в повести «Уроки Армении», хивинский минарет в повести «Наш человек в Хиве...» (1972), Зедазенский монастырь в повести «Грузинский альбом» (1973), Стена Плача в эссе «В ночь под Рождество» (2004) и т. д.).

Сюжет прогулок и медитаций героя в природном пространстве Куршской косы, стягивающий различные культурные контексты и становящийся центральным в повести «Птицы, или Оглашение человека», формирует мифопоэтику Косы и требует последовательного рассмотрения.

В поисках точного определения герой в прямом эссеистском лирико-аналитическом высказывании характеризует локус Косы как место абсолютного соотнесения реальности и имени⁵. Здесь ему кажется преодолимым разрыв между явлением и называющим его словом: «овеществление понятий, осуществление словаря» (с. 42). В этом гуманистическом «заповеднике» (с. 42) сглаживается «апокалипсический овраг» (с. 41) сурового жизненного опыта, полного неясностей, противоречий, несоответствий между ожиданиями и действительностью.

Созерцание пространства во время прогулок приводит героя Битова к восприятию Косы как оси зеркальной симметрии между двумя бассейнами (Западный – Балтийское море и Восточный – Куршский залив), где водная и небесная лазури перетекают друг в друга и сливаются воедино. На пике *горы из песка* (оксюморон по своему существу) герой (геолог, как и Битов) впервые остро ощущает *отсутствие земли под ногами*, дарующее пространству Косы и всем происходящим здесь событиям ауру иллюзорности, онейроидности, «географического небытия» (с. 41). Нестандартная форма Косы (протяженность «в длину» и «в высоту» и сокращенность «в ширину») переживается путешественником как гипнотическая деформация пространственно-временных отношений.

В этой архитектонике куршского пейзажа для героя зримое, материальное воплощение получает преобладание зоосферы над антропологическим, цивилизационным уровнем: на лезвии узкой полосы суши даже некрупные представители фауны кажутся ему несоразмерно огромными, как на детской зоогеографической карте. При всём многообразии заселяющих Косу видов орнитофауна выделяется квантитативно и онтически: птиц привлекает возможность совершать вдоль меридиана косы свои сезонные перелеты на «автопилоте» (с. 44).

Битов закрепляет в повествовании и мифопоэтический образ «воздушного океана»: герой-рассказчик, рассуждая об исследовательской деятельности на Косе, отмечает, что расставленные учеными для ловли и последующего кольцевания птиц сети напоминают рыбацкие («...пробка здесь всплывает вверх лишь чуть-чуть, и то из бутылки шампанского» (с. 44)). Таким образом, битовский герой постоянно рифмует закономерности человеческого и животного миров, воздушной и морской стихий, но прибегает к юмору как атрибуту маски профана.

В сюжет геопозитической мифологизации пространства включен еще один аспект осмысления героем феномена двухмерности Косы (простирающейся *вдоль*, открывающей перспективу *вверх* и редуцированной *вширь*, остановившейся

---

⁵ Содержание любого мифа «исчерпывается его мифологическим именем» (Ковалёва И. Миф: повествование, образ и имя // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 93).

во *времени*) – как топоса, задающего символическую вертикаль, сопрягающего сферы физического и сверхчувственного. Коса как пространство двоемирия актуализирует романтическую модель путешествия (дающую представление о человеке как об отвергающем обиходную аксиологию страннике, противостоящем стихии жизни в поиске подлинной свободы).

Сюжет странствия обнаруживает потенциал экзистенциальной метафоры: «Окончательно равны мы лишь в самом низу (прах) и на самом верху; остальное – пути» (с. 52). Образ Косы у Битова устойчиво воплощает семантику послесмертия. Во-первых, в восприятии лирического героя Коса эфемерна, миражна, фантомна, мнима: это не прочная земля, а морская отмель, вышедшая из воды на одно лишь геологическое мгновение и движимая ветром к берегу. Сравнение Косы с выглянувшей из воды спиной кита (с. 54) порождает ассоциацию с фольклорно-сказочным дискурсом, но образ Чудо-Юдо Рыбы-Кита в поэме П. П. Ершова «Конёк-Горбунок» (1834) связан как с сотериологическим сценарием чуда, волшебства, победы добра над злом, так и с библейской ветхозаветной традицией, где морское чудовище Левиафан – антагонист Бога, а также «Адская пасть», пожирающая грешников [Мифы народов мира, 1980, с. 580–581].

Во-вторых, в восприятии рассказчика топос Косы – уникальный инвариант гармонического примирения противостоящих в вечности полюсов спасения (рая) и возмездия (ада), воспринимаемый одновременно как воплощение инфернального начала и как обособленный уголок «земли обетованной». Здесь человек получает возможность рационализировать идею неизбежности конца – самую неотступную из человеческих дум – и принять ее. Бесстрашное принятие мысли о Танатосе как истинном хозяине всего живого ощущается героем как прорыв к подлинной свободе.

В пространстве Косы автобиографический герой-писатель преодолевает свой «творческий ступор»: в событии письма он пытается превозмочь несказанную, неотразимую энергетику места, но одиночные медитации на Косе открывают ему бессилие слов перед живой природой, о котором должен помнить любой писатель.

Размышляя о смерти, рассказчик ищет психологические рифмы в пейзаже и отправляется не на западный балтийский берег Косы, куда море вымывает «мусор» (с. 65) – артефакты деятельности людей, а на восток, к заливу, где максимально ощущается неостановимый бег песчаного «тела» в сторону большой земли. Воссоединение с ней будет означать для Косы – растворение в большом целом. Утопический (как будто «приснившийся» (с. 65)) топос Косы, где оставленный путником на песке след сразу же замечает ветер, символизирует для героя границу между жизнью и смертью. Пережитая на восточном берегу включенность в пейзаж Косы, которую каждый миг существования приближает к небытию, дает ему возможность прочувствовать диалектику собственного присутствия в мире как «жизнесмерти».

С одной стороны, утёсистые дюны восточного берега – «лысого» (с. 65), в отличие от облесённой западной стороны, – порождают ассоциации с Лысой горой, в славянском фольклоре являющейся «традиционным местом шабаша ведьм» [Славянские древности..., 1995, с. 520]. С другой стороны, восприятие путешественником этого края Косы как безлюдной песчаной пустыни обращает к библейскому контексту: согласно Новому Завету после Крещения Христос удалился в пустыню, чтобы там победить Сатану, преодолев его искушения. Здесь у лирического героя возникает ощущение присутствия враждебных потусторонних сил:

кружится голова, перед глазами плывут миражи, время и пространство искажаются, появляется готовность поддаться духовному соблазну («Я сделал шаг в пустоту, испытывая чувства Икара» (с. 65)).

Евангельский сюжет победы Иисуса над Дьяволом, рассчитывавшим уязвить человеческую ипостась Богочеловека, видится ориентиром герою-страннику, ищущему путей примирения антиномических начал собственной природы. Подробно о том, что Христос находился в пустыне «со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк. 1:13), толкователи Священного Писания интерпретировали, в том числе, как знак превращения Сыном Божиим пустыни в рай [Толковая Библия..., 1912, с. 20]. Лирический герой замечает у воды «мёртвого леща» со «съеденным боком», чья «продолжающаяся смерть» кажется ему «единственной здесь жизнью», поднимает голову и видит плывущую в воздухе «умершую вчера» (с. 66) чайку с зажатой в клюве песчинкой, символизирующей невозможность физически остановить бег времени.

В христианстве из прочтения «анаграммы греческой фразы: *Iesus Christos Theou Nuios Soter* <...>, содержащейся в латинском *слове* *Ichthus*» [Энциклопедия..., 2004, с. 431], возникла интерпретация образа рыбы как одного из первых символов Христа. Однако у Битова страшный антиутопический образ неживого-немёртвого, наполовину съеденного леща выражает концепцию жизни и смерти, близкую не христианству, а, скорее, драматической эсхатологической парадигме, обнаруженной исследователями в творчестве А. Платонова: «Сказать, кто из героев Платонова жив <...> а кто уже мёртв, нельзя <...> одни находятся в начале умирания, другие на пороге могилы, а третьи уже мертвы <...> воскресения мёртвых не будет» [Никольский, 2014, с. 111]. Напротив, образ вернувшейся к жизни птицы воплощает идею реального бессмертия – не как патетического религиозного воскрешения, а как естественной самовоспроизводимости органической жизни.

Отдавая предпочтение оригинальному образу птицы перед вторичным образом рыбы как «птицы земли» [Энциклопедия..., 2004, с. 430], герой-повествователь открывает симметрию бытия – зеркальную не-тождественность земли и неба: в реальности птица выше, свободнее рыбы. Проверка сакрализованной языковой метафоры («*Ichthus*») на референциальность (рыба – символ воскресения?) приводит героя-писателя к мысли о том, что в действительности язык лишь маскирует, но не определяет и не объясняет реальность: «Может быть, передо мной до горизонта простиралась рыба, а над головою была одна бездонно голубая птица? <...> Слова были наконец пусты <...> Я отделился от языка, бубнящего мне, что мир есть <...>» (с. 66).

Катарсическое прозрение героя Битова оказывается близким школе «критики языка» (М. Фуко, Ж. Деррида), из которой выйдут основные принципы постструктурализма – философского течения последней четверти XX в., заявившего о неприятии рационально обосновывающего феномены действительности позитивного знания, о вдохновенности бессознательным [Западное литературоведение..., 2004, с. 329]. Антидидактическое открытие лирического героя заключается в том, что отражение мира в человеческом знании, в языке подобно неверному зеркальному отражению, которое искажает суть предмета, меняет местами правое и левое – при сохранении пиксельной точности.

По Битову, высшим замыслом не было предусмотрено посвящение человека в абсолютное знание. Созерцая летящую над Косой стаю из неизвестного количества птиц, герой-путешественник прибегает к математической метафоре и конста-

тирует, что у человека есть представление о бесконечности числового ряда, но сам он умеет считать не дальше единицы. Разлитые в бытии намеки подсказывают герою, что истина существует, но находится в ведении одного лишь Творца. Однако закрытая для человека возможность непосредственно видеть *себя* как *себя*, напрямую созерцать свой «внутренний мир» (как бы он ни был назван – «душа», «дух», «истинная природа») компенсируется глубоким гносеологическим смыслом путешествия: обновление вида бытия перед глазами странника дает ему более полное представление о самом себе, чем ретроспективный взгляд, попытки вывести содержание своего «я» путем разглядывания собственного тела.

Таким образом, центральный топос повести Битова (Куршская коса) представлен пространством философской рефлексии, организующим сюжет путешествия как метафору ментального странствия. Поездка героя на Куршскую косу продиктована поиском новизны, интенцией к мифологизации реальности, но имеет место и обратный процесс: путешествие в ландшафте переходит в путешествие в духовном измерении (поиск истины о себе и о человеке вообще), итогом которого становится метафизическая интуиция, приоткрывающая дверь к катарсису.

Однако в финале повести Битов показывает, что, достигнув в индивидуальном созерцании куршского пейзажа максимально возможного на данном этапе пути духовного результата, рассказчик возвращается к формату прогулок с доктором Д. по западному берегу Косы и наблюдает, как море вымывает поглощенные им когда-то артефакты человеческой деятельности. Эта сцена говорит о том, что найденные в повести ответы не следует считать окончательными. Выбрасываемые морем яркие ящики и ведра, с точки зрения героя, символизируют «блестящие мысли», которые нельзя «доказать или подтвердить экспериментально» (с. 68). На уровне автора это метафора, воплощающая его постмодернистскую иронию: по Битову, двигаясь к природе в поисках ответов на онтологические и экзистенциальные вопросы, человек должен трезво понимать, что природа постоянно вторично подбрасывает ему для познания продукты его собственной жизнедеятельности.

Список литературы

- Аннинский Л.* Странный странник // Портрет поздней империи: Андрей Битов / Авт.-сост. Е. Чигрин. М.: АСТ, 2020. С. 14–30.
- Бахтин М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Бродский И.* Избранное. М.: Третья волна; Мюнхен: Нейманис, 1993. 295 с.
- Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины / Гл. ред. А. Ф. Трёшников. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 432 с.
- Западное литературоведение XX в.: Энциклопедия. М.: Интрада, 2004. 560 с.
- Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.
- Никольский С. А.* Живое и мёртвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2014. № 9. С. 110–120.
- Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 41: Ливаний – Львовский в честь Преображения Господня женский монастырь. 751 с.; 2018. Т. 52: Ной – Онуфрий. 751 с.

Ромина Л. В., Мякокина О. В. Природные особенности и антропогенные факторы формирования экосистем Куршской косы // Жизнь земли. 2021. Т. 43, № 2. С. 248–257.

Сид И. Геопоэт, или По дороге на Лхасу // Битов, или Новые сведения о человеке: [Сборник] / Сост. А. Бердичевская. М.: Эксмо, 2020. С. 190–195.

Сид И. История понятия «геопоэтика» // Вестник МГЛУ. 2015. № 11. С. 153–170.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 575 с.; 2012. Т. 5. 736 с.

Словарь античности: Пер. с нем. / Сост. Й. Ирмшер; отв. ред. В. И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Пб.: Издание преемников А. П. Лопухина, 1912. Т. 10. 519 с.

Тугушева Э. Ф. Метапоэтика А. Г. Битова: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 224 с.

Фёдоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Прогресс, 1995. Т. 1. 518 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Черникова И. В. Философия и история науки: [Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 030101 «Философия»]. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.

Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель: АСТ, 2004. 556 с.

Список источников

Битов А. БАГАЖЪ: книга о друзьях. М.: ArsisBooks, 2012. 176 с.

Битов А. Г. Оглашенные: Роман в четырёх частях. М.: Вече, 2018. 448 с.

References

Anninskiy L. Strannyy strannik [Strange wanderer]. In: *Portret pozdney imperii: Andrey Bitov* [Portrait of the Late Empire: Andrey Bitov]. Chigrin E. (Ed.). Moscow, AST, 2020, pp. 14–30.

Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg, Azbuka, 2000, 336 p.

Brodsky I. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Tret'ya volna, Munich, Neimanis, 1993, 295 p.

Chernikova I. V. *Filosofiya i istoriya nauki: uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030101 "Filosofiya"* [Philosophy and history of science: textbook for students studying in the specialty 030101 "Philosophy"]. Tomsk, NTL, 2011, 388 p.

Entsiklopediya. Simvoly, znaki, emblemy [Encyclopedia. Symbols, signs, emblems]. Andreeva V. et al. (Comps.). Moscow, Astrel, AST, 2004, 556 p.

Fedorov N. F. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collection of works: in 4 vols.]. Moscow, Progress, 1995, vol. 1, 518 p.

Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar': Ponyatiya i terminy [Geographical Encyclopedic Dictionary: Concepts and terms]. Tryoshnikov A. F. (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1988, 432 p.

Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Bibikhin V. V. (Transl. from Germ.). Kharkiv, Folio, 2003, 503 p.

Mify narodov mira [Myths of the nations of the world]. Tokarev S. A. (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1980, 1147 p.

Nikol'skiy S. A. Zhivoe i mertvoe: puteshestvie Andrey Platonova po tsarstvu smerti [The living and the dead: Andrey Platonov's journey through the kingdom of death]. *Voprosy filosofii: nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. 2014, no. 9, pp. 110–120.

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia]. Patriarch Kirill of Moscow and All Rus' Kirill (Ed.). Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya," 2016, vol. 41: Livaniy – L'vovskiy v chest' Preobrazheniya Gospodnya zhenskiy monastyr' [Lviv church in honor of the Transfiguration of the Lord], 751 p.; 2018, vol. 52: Noy – Onufriy, 751 p.

Romina L. V., Myakokina O. V. Prirodnye osobennosti i antropogennyye faktory formirovaniya ekosistem Kurshskoy kosy [Natural features and anthropogenic factors in the formation of ecosystems of the Curonian Spit]. *Life of the Earth*, 2021, vol. 43, no. 2, pp. 248–257.

Sid I. Geopoet, ili Po doroge na Lkhasu [Geopoet, or On the way to Lhasa]. In: Berdicevskaya A. [Ed.]. In: *Bitov, ili Novye svedeniya o cheloveke: sbornik* [Bitov, or New information about a person: collection]. Moscow, Eksmo, 2020, pp. 190–195.

Sid I. Istoriya ponyatiya "geopoetika" [The history of the concept of "geopoetics"]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2015, no. 11, pp. 153–170.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Tolstoy N. I. (Ed.). Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 1, 575 p.; 2012, vol. 5, 736 p.

Slovar' antichnosti [Dictionary of antiquity]. Y. Irmsher (Comp.), V. I. Kuzishchin (Ed. in Ch.). Moscow, Progress, 1989, 704 p.

Tolkovaya Bibliya, ili Kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Explanatory Bible, or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. St. Petersburg, Izd. preemnikov A. P. Lopukhina, 1912, vol. 10, 519 p.

Tugusheva E. F. *Metapoetika A. G. Bitova* [Metapoetics of A. G. Bitov]. Cand. philol. sci. diss. Saratov, 2011, 224 p.

Zapadnoe literaturovedenie XX v.: Entsiklopediya [Western literary criticism of the 20th century: an encyclopedia]. Moscow, Intrada, 2004, 560 p.

List of sources

Bitov A. *BAGAZh: kniga o druz'yakh* [BAGGAGE: a book about friends]. Moscow, ArsisBooks, 2012, 176 p.

Bitov A. G. *Oglashennyye: roman v chetyryokh chastyakh* [Catechumens: a novel in four parts]. Moscow, Veche, 2018, 448 p.

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Буханова, аспирант филологического факультета НИ ТГУ, старший преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии СибГМУ (Томск, Россия)

Information about the author

Ekaterina D. Bukhanova, Postgraduate Student, Faculty of Philology, Tomsk State University, Senior Lecturer, Department of Latin Language and Medical Terminology, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.10.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 01.04.2024
The article was submitted on 06.10.2023;
approved after reviewing on 01.04.2024; accepted for publication on 01.04.2024*